

ОДЕССИТКА ИЗ ДВОРЦА МЕДИЧИ

Эвелина Шац, с которой мы связаны долгими годами дружбы и любви, чье присутствие в нашей жизни, несмотря на редкие встречи и расстояния, никогда не исчезает, а ее многочисленные художественные таланты, принесшие ей европейскую известность, вызывают наше восхищение, в горбачевские годы сделала мне царский подарок — путешествие в Италию, где живет она уже долгие годы.

Все, кто, как и я, прожил большую часть жизни, не издавая даже малой радости от знакомства с реалиями советской поговорки про "курицу и не за границу", поймет мое состояние после пересечения угрюмой советской границы...

В Италии моя подруга заболитливо передавала меня в дома своих друзей, дававших мне приют, потому что при нашей советской нищете о номерах в отелях нечего было и помыслить.

Так я оказалась во Флоренции. Когда-то в Ленинградском университете мой любимый профессор Матвей Александрович

Гуковский, читавший нам курс итальянского Возрождения, как будто бы лично знавший Леонардо да Винчи и его окружение, отсидевший в сталинских лагерях и через меня передававший приветы в Одессу своему солагернику А. Мерхеру, до войны — директору Еврейского музея, а после отсидки — тихому библиотекарю нашего Западного музея, так вот, Гуковский не однажды говорил: "Пишешь академическую историю Флоренции, а получается любовный и авантюрный роман"... Либо искусствоведческие очерки, скромно добавлю я от себя.

Я не пишу ни то, ни другое. Но среди многочисленных воспоминаний и впечатлений от столицы Тосканы один сюжет окрашен в одесские цвета.

Любящие Эвелину друзья и на нас, ее посланцев (а щедрая душа моей подруги очень многим открывала Италию), переносили часть этой любви и заботы. Так во Флоренции я оказалась в доме Анечки Воронцовой, родившейся во Франции в семье эмигрантов

первой волны, прапраправнучки Пушкина, из тех "европейских нежных", о которых писал Мандельштам.

Я рано утром уходила из гостеприимного дома и возвращалась поздно, впитывая, как губка, Флоренцию. Однажды Анечка попросила меня вернуться пораньше, к ужину, предупредив, что в гости пожелает почтенная дама, тоже из первой эмиграционной волны, семья которой в 1933 году покинула Европу, перебравшись в США, где со временем ожидаемая гостя стала весьма состоятельной дамой, а вот теперь в возрасте, который принято называть "элегантным", решила поселиться в нежно ею любимой Флоренции, и ее состояние позволяет ей снимать апартаменты в прославленном дворце Медичи...

К ужину появилась гостя. Почтенная синьора, одетая в скромное платье из ткани, похожей на ту, которую у нас в просторечьи называют "шотландкой", оказалась милым, общительным человеком. Елена Александровна, так она

представилась, говорила на том замечательном русском языке, который сохранился в русской эмиграции, сохранившей его от губительных влияний советского "новояза". Беседа за ужином была непринужденной и легкой, гостя была в курсе всех наших литературных новинок, следила за всеми хлынувшими на нас журнальными перестроечными публикациями, интересовалась, как я путешествую по Италии, похвалила меня, когда я призналась, что сразу же после советской границы у меня исчезла языковая "зажатость" и я на лингвистическом "коктейле" объясняюсь на вокзалах, улицах и площадях Италии.

В разговоре выяснилось, что Елена Александровна — тетушка известного московского тележурналиста. По-моему, ей было приятно узнать во мне поклонницу его парадоксального ума, графически острой реакции в его знаменитых тогда телдиалогах, наконец, просто нравившегося (тогда и сейчас) европейского, западного облика... Чувствовалось, что тетуш-

ку и знаменитого племянника объединяют чувства взаимной симпатии, хоть говорила она о нем с некоторой долей любовной иронии.

Словом, ужин удался. Но вспоминаю я о нем в связи с одной фразой, произнесенной обитательницей апартаментов медичейского дворца. При знакомстве я была представлена как подруга Эвелины, приехавшая в Италию из Одессы. Елена Александровна приветливо покивала головой, а потом, вновь вернувшись к одесской теме, сказала следующее: "Я родилась в Одессе незадолго до переворота. И когда это случилось, мои родители, люди умные, поняли сразу, к чему все идет, свернули быстренько манатки и драпанули из Одессы! Больше я там не бывала".

"Клянусь под знаменем веселым", что в этой фразе я не выдумала ни одного слова! Нужно ли еще что-то говорить о vitalности одесских генов и неистребимости одесского языка?!

Валентина ГОЛУБОВСКАЯ.

Этот диск мне привезли из Лондона, потому что диски фирмы "Олимпия" в Израиле не продают. Называется альбом "Музыка династии Огиньских". Меня заинтриговало это название. Нам — советским — ничего не известно о династии Огиньских. Лишь с одним из них мы знакомы: с автором знаменитого Полонеза.

Мне вспоминается патетика, с которой преподносился публике Полонез Огиньского:

— Последний раз подошел композитор к роялю. Вокруг него сидели друзья по оружию, убеленные сединами, закаленные в боях и походах товарищи: офицеры, генералы. На некоторых — перевязки, сквозь которые сочится кровь. Огиньский поднял руки над клавиатурой, и в зал полилась теплая, проникнутая поэтической грустью мелодия.

Скорбно-приподнятый голос лектора вещал абонементного лекторийного концерта:

— Но вот композитор доиграл последний аккорд. Ни восклицаний восторга, ни аплодисментов. Воины, патриоты Свободной Польши, сидели молча, очарованные. В долгой этой тишине вдруг мягкий, низкий голос генерала с лицом, изборожденным морщинами, тихо, отчетливо произнес: "Нееет, это не полонез. Это — прощание с Родиной". Так и закрепилось за Полонезом название: "Прощание с Родиной".

В этот вечер композитор оставил Родину навсегда.

Так писали и говорили об Огиньском и его Полонезе в советское время. При этом не забывали легендарное имя Тадеуша Костюшко, движению которого принадлежал Огиньский. За что боролись поляки? Против чего восстали? С кем воевали?

Что же это за династия? Кто он, последний ее яркий представитель? Огиньские — древний род, уходящий своими корнями к первым поколениям Рюриковичей. На протяжении веков знатная ветвь Огиньских выводила на престол великих князей Черниговских. В XVII в. уходят они на службу к великим князьям литовским. По смерти польского короля Августа III Михаль Казимир Огиньский считал себя первым кандидатом в короли Польши по знатности. Был он родолюбив, Радзивиллов, Браницких. Более того: он был великим гетманом литовским. Широко образованный Михаль Казимир обладал талантами музыканта и художника, полководца и государственного деятеля. Но владел всеми этими профессиями на уровне дилетанта. Так, он умудрился с 7 тысячами

хорошо вооруженных и снабженных воинов проиграть сражение 820-ти солдатам Суворова у польского местечка Столовичи в 1771 г. Он присоединился к конфедератам и тем отомстил Екатерине II за то, что на трон Польши она продвинула своего фаворита Станислава Понятовского. Побитый, униженный великий литовский гетман эмигрировал — бежал — в Париж.

Сохранился анекдот, согласно которому Екатерине прислала ему в Париж в качестве сюрприза флакончик нашатырного спирта — с уведомлением о конфискации его имущества и лишении всех званий и регалий. Кто после этого обвинит императрицу в отсутствии чувства юмора? А имение графа — местечко Круглое с угодьями и 2500 крестьян — было подарено Екатерине Романовне Дашковой.

тивления вместе с генералом Домбровским. Примыкает к ним и Михаль Клеофас Огиньский. В это время он занимает должность великого литовского подскарбия, то есть министра финансов. Себя он называет "гражданин Огиньский" и отдает все свое имущество в фонд национального движения.

В этот короткий, но славный период борьбы что только с ним не случается! Были победы и поражения, он попадал в плен, приговаривался к смерти и, конечно же, бежал, переодевшись горничной. После поражения армии Костюшко Огиньский бежал в Италию. В Венеции он — один из организаторов Польских Легионов из числа эмигрантов — готовится к новому этапу борьбы за освобождение Польши. Не оставлял он и музыку. Полонезы и вальсы, мазурки и патриотические песни рождаются в нем один за другим.

шет либретто и музыку одноактной оперы "Зелида и Валькур, или Бонапарт в Каире".

Между тем, на русский трон восходит Александр I. Наш граф совершает поворот на 180 градусов: он демонстрирует новому царю свое миролюбие и возвращается в Россию.

В войне 1812 г. Огиньский, как патриот Польши, не встал в строй французской армии. Как представитель общественной элиты России, он не поднял оружие против Наполеона. Он играл на скрипке и на виолончели камерную музыку, сочинял салонные пьесы, устраивал концерты для таких же, как он, дилетантов в своем имении, в Залесье (ныне Беларусь).

Но вот война окончилась. По решению Венского Конгресса Александр создал Польское королевство. Но королем Польши он объявил себя. С мечтами о неза-

Конечно, обида играла свою роль, но это было не главным. Тотальное недоверие к Польше и полякам развилось у Александра и его окружения. Начавшие появляться в Польше тайные общества, словно метастазы в теле, пораженном раком, вызвали озлобленность царя. Явление это было характерным и для России. Вызревали грозные события 1825 г. Но за Россию царь был спокоен. Полякам же следовало указать на их место в Российской империи.

Повальное уныние одолело поляков. Началась эмиграция лидеров освободительного движения из России. Ощущение безвыходности охватило и Огиньского. Результатом этого в 1823 г. стал полонез "Прощание с Родиной". На униженную, поработанную Родину делать ему больше было нечего. И он уехал во Флоренцию, где и умер в 1833 г.

Между фортепианным Полонезом на диске и тем, что знаем мы, мало общего. Вероятно, кто-то из советских композиторов по заданию партии, как водилось тогда, с большим талантом и мастерством обработал эту ностальгическую пьесу. Кто-то в музыкальных верхах понял, что она далека от совершенства и для классики не подходит. Поэтому в оригинальном состоянии мы ее не слышали. Уже обработанная, она появилась в советском репертуаре где-то в 50-х годах, вскоре после назначения маршала Рокоссовского военным министром Польши...

Мне могут возразить: есть много примеров обработок пьес одного автора — другим. Что здесь предосудительного? Вопрос естественный. Но совсем другое дело, когда хороший композитор тайно, украдкой обрабатывает пьесу, автор которой лишен чувства развития музыкальной мысли, пьесу, не имеющую ни формы, ни профессионально выстроенной мелодии, ни гармонического языка. Музыкальная поделка становится вдруг произведением искусства. А тот, кто создал из поделки произведение, остается анонимом. Дилетант превращается в гения. Гения делают дилетантом. И все это очень напоминает воровство.

Я люблю Полонез Огиньского. Но тот, что звучал в Москве. Не тот оригинал, что играет на диске фирмы "Олимпия" прапраправнучка графа Иво Залусский. ЭТОТ ПОЛОНЕЗ не спасут никакие фиоритурные ля барокко, потому что он родился уже после революции мастеров Венской школы — Гайдна, Моцарта, Бетховена.

Лев ШААР.
Израиль.

НОСТАЛЬГИЧЕСКИЕ ТАЙНЫ ПОЛОНЕЗА

Таков дядя нашего героя. Он был старше своего племянника на 34 года.

Михаль Клеофас Огиньский — автор Полонеза — был от природы щедро наделен талантами. Ему предсказывали блестящую дипломатическую карьеру. Но учиться он предпочел музыке. Играл на скрипке и фортепиано. Учителями его были самые яркие знаменитости того времени: русский композитор Козловский (автор российского гимна на стихи Г.Р. Державина "Гром победы, раздавайся") и итальянец Джованни Виотти — директор Парижской консерватории.

В 1789 г. 24-летний аристократ уезжает в Гаагу и Лондон для выполнения первой своей дипломатической миссии. Он возвращается домой накануне Второго раздела Речи Посполитой. Польша в подавленном состоянии, удрученная и безответная. Под впечатлением этого настроения пишет Огиньский Полонез Фа-мажор.

Проникнутый трагизмом и скорбью, Полонез сразу стал любимым до такой степени, что пронес слух, будто композитор, написав эту пьесу, покончил с собой. Слух этот дошел до автора и немало позабавил его.

1793 год. Второй раздел Польши стал фактом. Тадеуш Костюшко возглавляет Движение сопро-

Согласно некоторым источникам, он в содружестве с поэтом Йозефом Выбицким и генералом Домбровским пишет самую известную и нужную песню той незабываемой поры — Песню Легионов. Она сразу стала народной, а вскоре превратилась в национальный гимн Польши:

Еще Польша не сгинела,
Поки мы жийеми.

"Когда у народа есть история и литература — он никогда не забудет своего существования", — писал мемуарист и продолжал: "Юношество пело марш Домбровского и слеталось под знамена Франции, дралось и умирало в надежде заслужить внимание Европы к судьбе Польши!"

Наивный мемуарист. Корыстная, безжалостная Европа раздала, растерзала на части Польшу, как браконьеры — медведя. А он у этой Европы внимания ищет!

Движение Польских Легионов было создано Наполеоном. К нему, избавителю, едет Огиньский в Париж. Первый консул не отказывает во встрече, слушает дипломата с интересом и вниманием. Момент для возрождения Польши неподходящий. Вопрос запутанный, сложный. Но в скором будущем решить его будет возможно.

Окрыленный, вдохновленный этим великим человеком, Огиньский садится работать. Сам пи-

висимости полякам пришлось встать. Как, впрочем, и после второй мировой войны...

Царь не мог забыть того, что Польша не только с восторгом встречала Наполеона, но и на службу к нему шла, хотя Александр обещал ей независимость. Не мог он забыть и того, что его — победителя, изгнанного французом, — улицы Варшавы встречали хмуро, угрюмо, холодно.

И тут, как всегда на периферии исторических событий, внезапно возникает наш — еврейский — нюанс: "Одни евреи, которым так мало доверяло наше правительство, проявили русский патриотизм, встречая восторженно нашу армию. Александр с удивлением смотрел на толпы старых и молодых евреев, которые несли ему навстречу разноцветные хоругви с его вензелями, били в барабаны, играли на трубах и литаврах, распевая гортанно какие-то гимны, сочиненные еврейскими пиитами в честь русского народа, с которым они чувствовали связь, несмотря ни на что". Так писал русский писатель-историк начала XX в. Г.И. Чулков.

До нашествия Наполеона царь Александр I не мог дать Польше независимость из стратегических соображений. Хотел, но не мог. После войны он мог это сделать. Но теперь уже не хотел.